

«ИМЕТЬ ОХРАНУ — НЕ ТАКОЕ УЖ БОЛЬШОЕ СЧАСТЬЕ»

— «Я не ставлю себе цель влиять на ход политических событий», «пропагандой я не занимаюсь». «В рамках телеэфира мы прилагаем максимум эфира для сохранения объективистского имиджа НТВ... Это, Евгений Алексеевич, выдержки из ваших интервью. Как, на ваш взгляд, эти заявления согласуются с открыто пропрезидентской линией НТВ накануне выборов?»

— А я не считаю, что НТВ занимало пропрезидентскую линию. Дело не в нас, а в президенте, который в ходе предвыборной борьбы предстал полным сил, энергии, свежих идей. Средства массовой информации, в том числе и НТВ, живут новостями. Так вот в отличие от Юганова президент понял, что надо самому создавать новости и становиться их главным героем. Тогда о тебе будут рассказывать на первых полосах газет, посвящая сюжеты в программах теленовостей. И перевес Ельцина над Югановым в эфире — следствие его неоспоримого преимущества в ходе предвыборной гонки.

При этом я не стану скрывать, что лично мне Юганов несимпатичен, что программа КПРФ мне глубоко чужда. Я вообще считаю, что президент в свое время проявил слабость, когда не запретил деятельность компартии. Коммунизм ничего хорошего России не принес и не принесет. Маргинальная это сила. И те миллионы, которые проголосовали за КПРФ, голосовали на самом деле против своих, увы, пока неизбежных трудностей, а не за Юганова. Реальное же число коммунистов — несколько сотен тысяч, что в масштабе страны составляет менее одного процента.

Поэтому ни я, ни большинство журналистов НТВ, в той или иной мере разделяющих мои взгляды, не старались занимать натульную, деланную позицию, будто нам в равной степени симпатичны все кандидаты в президенты. Но если внимательно проанализировать, например, «Итоги», то вы не найдете ни одного выпуска, в котором достаточно подробно не рассказывалось бы, где побывал, что делал и говорил лидер коммунистов и его соратники. Более того, с ноября прошлого года Юганов шесть раз побывал у меня в прямом эфире, в то время как Ельцин — всего один раз. И если коммунисты все-таки проигрели, но НТВ тут ни при чем.

— И все-таки трудно говорить о полной объективности, непредвзятости телекомпаний, когда ее руководитель официально входил в президентский предвыборный штаб...

— Малашенко действительно входил в предвыборный штаб Ельцина, но это было его личное решение. Не могу сказать, что оно не вызвало у нас споров. Но Малашенко настоял. Может, ему стоило уйти в отпуск на то время, пока он занимался предвыборными делами. Не исключаю, что здесь была допущена некоторая неточность в линии поведения. Но в любом случае Малашенко вошел в предвыборный штаб Ельцина не как руководитель НТВ, а как человек, который умеет взаимодействовать со средствами массовой информации, как незаурядный специалист в области политических технологий. И если Ельцин в итоге грамотно построил свои отношения с прессой, то заслуга Малашенко для меня в этом деле несомненна.

— А заслуги предполагают вознаграждение... Ходят слухи, что властные структуры щедро распыляются (или уже распылились) с НТВ, которое вовремя сделало правильный политический выбор...

— Я не занимаюсь коллекционированием слухов... Никаких щедрых посулов от властей мы не получали. Как работали, так и работаем. Известно, что НТВ давно претендует на 4-й канал, где мы вещаем только с 18 часов, а утренний и дневной эфир принадлежит другой телекомпания. Мы начали эту борьбу задолго до того, как Малашенко вошел в ельцинский штаб, и даже

если б он этого не сделал, 4-й канал отошел бы к нам целиком все равно.

— По имеющимся у меня сведениям, НТВ строит для себя собственное здание. Неужели сравнительно молодая и до недавнего времени убыточная телекомпания может осилить такую стройку?

— Убыточной наша телекомпания практически никогда не была. Благодаря хорошим доходам от рекламы НТВ вышло на самоокупаемость буквально через несколько месяцев после того, как мы стали вещать на 4-м канале. Сегодня мы не можем пожаловаться на экономические проблемы. И здание для себя мы со временем обязательно построим. У нас уже есть участок земли недалеко от Останкинского телецентра. Но нужен серьезный проект, соответствующий капитальности. Так что отложим эту тему до лучших времен.

— Все попытки журналистов узнать зарплату сотрудников НТВ, в том числе и вашу, натываются, как правило, на красноречивые фигуры умолчания. Выходит, есть что скрывать?

— Да нет. Это дело принципа, не более того. У нас существует неписаный кодекс, согласно которому размер денежного вознаграждения за труд не должен быть предметом обсуждения не только за пределами коллектива, но и в самом коллективе. Это вопрос взаимоотношений исключительно руководства телекомпания и конкретного журналиста, видеинженера, шофера... Если мы имеем особо ценного работника (а у нас все ценные, балласта не держим), то он может получать гораздо больше других коллег и даже больше, чем люди, которые, казалось бы, по статусу находятся выше него.

— Но что мы все о других да о других, поговорим, наконец, и о вас. «Из живого человека он превратился в солидного телевизионного персонажа, ведущего программы «Итоги» Киселева», — с очевидной долей иронии написала о вас одна популярная в Москве газета. Как вы сами ощущаете: вы действительно изменились за последние пять-шесть лет, когда к вам пришла громкая известность?

— Я с симпатией отношусь к «Московскому комсомольцу», но эта газета особая, у нее свой стиль, часто ернический, нарочито ироничный. Вот и в данном случае ребята, по-моему, перестарались. Я действительно изменился за последние годы: с опытом, возрастом не ме-

— ГОВОРIT ВЕДУЩИЙ «ИТОГОВ» И ВИЦЕ-ПРЕЗИДЕНТ НТВ ЕВГЕНИЙ КИСЕЛЕВ

няется, извините, только дурак. Но я остался абсолютно живым человеком.

— За вами закрепилась репутация человека, который не совершает безрассудных поступков. А, скажем, безрассудная любовь может поселиться в вашем сердце?

— Почему нет? Это в своей профессиональной деятельности я привык все анализировать, рассчитывать, просчитывать... А в остальном, как говорится, ничто человеческое мне не чуждо.

— И все-таки Киселев-телеведущий и Киселев «за экраном» — это два разных персонажа или один и тот же?

— Киселев в жизни, по-моему, значительно отличается от Киселева на экране. В кадре я всегда стараюсь быть корректным, сдержанным, вежливым, особенно когда общаюсь с приглашенным в студию гостем. Я никогда не буду говорить с ним на «ты», даже если мы с ним давно и хорошо знакомы. Когда на связь со мною выходят наши корреспонденты, будь то Алим Юсупов, Павел Лобков, Вадим Глузский, то я к ним тоже обращаюсь на «вы», хотя в жизни, как вы понимаете, у нас отношения без всяких излишних церемоний. Еще я предпочитаю не высказывать в эфире оценок от первого лица. Словосочетания «я думаю», «я считаю», «я убежден», «по-моему» стараюсь исключить из своего обихода. Ну а в жизни, по свидетельству друзей, я более открытый, эмоциональный человек.

— Вот уже почти пять лет вы ведете «Итоги» неделя за неделей, месяц за месяцем. Болезни, усталость обходят вас стороной?

— По болезни я не пропустил ни одного эфира. Да и всего-то пропустил наберется за эти годы не больше десяти — пятнадцать — в основном из-за неотложных командировок да неизбежных отпусков.

— Но вот у вас, допустим, ангина, сильная простуда, а через день эфир. Как выходите из такой непростой ситуации?

— Наверное, у меня просыпаются скрытые ресурсы, которые не позволяют разболеться в ответственный момент. Если я заболел, то, как правило, после воскресного эфира. А к следующим выходным бываю уже на ногах. Сегодня, когда появилось много хороших и быстродействующих лекарств, можно взбодрить себя буквально за час до выхода передачи. Хотя, надо сказать честно, пару-тройку раз голос в эфире у меня садился.

— Говорят, над концепцией, верстой воскресных «Итогов» вы работаете всю субботнюю ночь напролет...

— Одно время, когда «Итоги» выходили еще в «Останкино», я действительно работал по ночам. Поэтому что первый выпуск программы, который шел на Дальний Восток, надо было выдавать в эфир в два часа дня. Утреннего времени на это не хватало, приходилось прихватывать ночь. Но с переходом на НТВ необходимость в ночных бдениях отпала. Сейчас по субботам, как правило, мы расхаживаем не позже один-

надцати часов вечера. Хотя, бывает, засиживаемся и за полночь.

— А завтра выход в эфир, а в понедельник — начало новой рабочей недели. Когда же отдыхаете?

— Отдыхаю в отпуске. И еще во время зарубежных командировок. Меня часто зовут на различные конференции, семинары, и время от времени я принимаю эти приглашения. Причем мне иной раз не столько конференция важна, сколько появляется возможность оправдаться перед коллегами: смотрите, мол, я не отдыхаю еду... Хотя, конечно, все равно бывает совестно их покидать. Но и за рубежом отключиться не удается — каждый день звоню в телекомпанию: какие новости, что происходит? И вишу на телефоне полчаса, по часу...

— Вы признались как-то, что светские приемы, рауты для вас — это не отдых, а часть работы.

— Безусловно. Там я встречаю нужных мне людей, договариваюсь об интервью, собираю информацию.

— Но ведь есть какие-то радости и кроме работы. Что это: чтение книг, теннис, рюмка виски?

— Видно, что вы хорошо подготовились к интервью, коль скоро перечислили все или почти все, что может доставить мне удовольствие. Я действительно люблю читать, причем, не побоюсь в этом признаться, что-нибудь фабульное, остро сюжетное, чтобы снять накопившееся за день нервное напряжение. Мне нравится играть в теннис, стараюсь делать это три-четыре раза в неделю, хотя в последнее время было как-то не до тенниса. Люблю просто посидеть дома с друзьями, но это, к слову говоря, можно сделать и на работе, поскольку мои самые близкие друзья — это в основном мои коллеги по НТВ.

— А телевизор еще не вызывает отвращения?

— На работе обязательно смотрю выпуски новостей. Это уже сродни некой информационной наркомании. По этой причине, к слову говоря, я и в театре, в кино редко бываю. «Культиход» предполагает, что ты пропустишь и семичасовой, и десятичасовой выпуски программы «Сегодня». А это у нас на НТВ считается криминалом, в таком «пропуске» даже признаться стыдно. Поэтому новые фильмы смотрю дома на кассетах. Как правило, ближе к полнучи.

— Вы и в теннис играете, и на работе нервничаете, что по идее должно сжигать лишние калории, но стройным и хрупким вас назвать трудно...

— А это у меня сызмальства. Несмотря на то, что в детстве я и на велосипеде гонял, и в футбол играл, и плавал, и другими видами спорта занимался, рос я плотным, упитанным мальчиком. А сегодня в мои сорок лет хрупким мне уже, видно, не стать, хотя в излишнем горьманстве я себя упрекнуть не могу.

— У вас, по слухам, есть личный телохранитель. Он не сковывает вашу жизнь?

— Охрана появилась у меня 2 марта прошлого года, на следующий день после убийства Листьева. Мои коллеги, партнеры по НТВ, по «Группе «Мост» решили, что им будет спокойнее, если у меня появится охрана. И я вынужден был принять это условие. Скажу честно: иметь личную охрану, которая сопровождает тебя, куда б ты ни шел, куда б ни ехал, — не такое уж большое счастье. Даже если ты абсолютно совместим со своими телохранителями, даже если они к тебе хорошо относятся, стараются тебе во всем помочь (а в данном случае это так), все равно у тебя возникает психо-

логическое напряжение, потому что человек, оказывается, нуждается в одиночестве больше, чем мы об этом привыкли думать.

— Вашему сыну тринадцать лет — а это, как известно, самый сложный, «переходный» возраст. У вас хватает времени уделять ребенку должное внимание или все заботы по его воспитанию вы передоверили жене?

— Жена у меня тоже человек занятой, она возглавляет пресс-службу нашей телекомпания. И все же хотя бы по выходным Маша не работает и может уделять сыну побольше внимания. Но и я в стороне от этого дела не остаюсь. Я горжусь, что сын уважает меня, что мое мнение для него много значит. Хотя в принципе он парень вполне самостоятельный. «Я сам» — эту фразу он усвоил, похоже, сразу после слов «мама» и «папа». И он действительно сам по часу зашнуровывал ботинки, даже если мы опаздывали в гости, сам делал уроки, хотя не всегда у него это сразу получалось.

— Лучи славы от знаменитого отца падают на него?

— Скорее, сыну моя известность доставляет больше проблем, чем счастья. При том, что у НТВ довольно высокий рейтинг, что наши программы, как говорится, популярны в народе, есть люди, которые на дух не переносят «Итоги», меня самого, мою жизненную позицию. И это отражается на ребенке. Но он парень не только самостоятельный, но и с характером, умеет за нас с ним постоять.

— И последнее. В одном из интервью вы обмолвились, что журналисты не спрашивают вас о многих вещах, о которых вы сами спросили бы себя...

— Например, никто не интересовался, из какой я семьи, кто мои родители. Видимо, считается, что человек, добившийся успеха, обязан личным связям, блату. А я на самом деле очень многим обязан своим родителям. Мой папа был крупнейшим специалистом по созданию материалов для ядерных реакторов и ракетных двигателей, лауреатом двух Государственных премий, кавалером ордена Ленина. И при этом, как у абсолютно бескорыстного человека, у него не было ни дачи, ни шикарной машины. Да и докторскую диссертацию он так и не собрался защитить, потому что ради этого надо было на несколько лет уйти из прикладной науки, а он не мог оставить любимое дело.

Из этой же породы работающих, бескорыстных людей и моя мама, которая ныне семьдесят лет и которая все еще работает, хотя мне было бы вполне по силам помочь ей. Но она не может оставить институт, в котором проработала пятьдесят лет, в котором встретила моего отца.

Родители поженились поздно, я родился, когда отцу было 44 года. Поздних детей, наверное, любят особой любовью, не случайно они так бережно поддерживали меня во всех моих начинаниях. Совсем маленьким я, помню, увлекся рисованием, и они тут же закупили мне красок, кистей, книг по изобразительному искусству, водили меня по музеям, театрам, в консерваторию. Сегодня я хорошо понимаю, что, благодаря родителям, я получил классическое русское домашнее образование, которое мне пригодилось в жизни гораздо больше, чем школьные познания.

Да и в смысле моих политических взглядов я очень многим обязан своим родителям. Они безоговорочно приняли «оттепель», смелые публикации «Нового мира», которым руководил Твардовский. Мои родители не были диссидентами, но в семье всегда верили, что рано или поздно наступят времена духовной, политической свободы. И когда в середине восьмидесятых начались перемены, они восприняли их с восторгом. И даже в самое трудное время реформ они не сожалели, что история страны пошла так, а не иначе. И в этом смысле я верный сын своих родителей...

Вел беседу
Леонид ПАВЛЮЧИК.